



1799 * 26 мая * 1899

Маска и Письмо

А. С. ПУШКИНА

хранящіяся въ Библіотекѣ
Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Съ 5 снимками.



№ 1608

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1899.

Отискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“ 1899 г.

Предисловіе.

Въ свѣтлые и знаменательные дни Пушкинскихъ празднествъ Библиотека Императорскаго Юрьевскаго Университета не могла остаться безугастною къ тому торжеству, какое справляетъ нынѣ повсемѣстно русское общество. Съ Пушкинымъ у каждаго изъ насъ связано столько дорогихъ воспоминаній, каждый изъ насъ столь многимъ обязанъ ему, что становится вполне понятнымъ всеобщее желаніе посильно выразить свою благодарность и дань уваженія гениальному поэту. Библиотека — хранилище книгъ, а книга была до конца жизни неразлучною спутницею и подругою Пушкина. Кто обогатилъ литературу народа своими гудными произведеніями и, помимо внутренняго ея развитія, обусловилъ также и внѣшнее ея наращеніе, тотъ, конечно, имѣетъ полное право на благодарную память со стороны не однихъ только читателей книги, но одинаково и тѣхъ, кто ее хранитъ и бережетъ.

Настоящая работа есть посильная дань великому поэту отъ Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго Универ-

ситета, какъ угрожденія; и если литературная обработка ея принадлежитъ одному нижеподписавшемуся, то въ подготовительномъ трудѣ приняли участіе и другіе члены библіотечной администраціи. Кромѣ того разъясненіемъ нѣкоторыхъ сомнѣній обязанъ я *Вл. Вл. Майкову*; съ признательностью должно быть упомянуто имя *І. І. Змигродскаго*, старанія и хлопотамъ котораго, помимо всего, мы обязаны тѣми прекрасными фотографіями съ маски и съ письма *Пушкина*, работы здѣшняго фотографа *г. Захера (R. Sachker)*, которыя приложены къ настоящему изданію въ цинкографической передачѣ *Петербургской фирмы Вильборга*. Наконецъ, существенную точку опоры въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ получилъ я, благодаря тѣмъ свидѣніямъ, которыми любезно подѣлились со мною *г-жи М. М. и Е. М. Розбергъ*, дочери покойнаго профессора нашего Университета, *М. П. Розберга*.

*Директоръ Библіотеки Императорскаго Юрьевскаго
Университета*

26 мая 1899 г.

Профессоръ Е. Шмурло.

I.

М а с к а.

Вопросъ о посмертныхъ маскахъ А. С. Пушкина остается до сихъ поръ, и не безъ основанія, далеко невыясненнымъ и спорнымъ. Въ основѣ всего лежитъ письмо В. А. Жуковскаго къ отцу поэта, С. Л. Пушкину, извѣстное его описаніе „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, именно тѣ строки, гдѣ онъ говоритъ, что во-время вспомнилъ о необходимости снять маску и что это было немедленно исполнено, прежде чѣмъ черты лица успѣли измѣниться¹⁾. Однако когда именно и кѣмъ была снята эта маска, въ чьи руки попала она потомъ — свѣдѣній объ этомъ ни у Жуковскаго, ни у кого другого не сохранилось, по крайней мѣрѣ мы ничего объ этомъ не знаемъ.

Гдѣ бы она ни была, но, новидимому, появившіяся вслѣдъ затѣмъ въ обращеніи изображенія Пушкина свой прототипъ и образецъ отыскивали именно въ этой маскѣ. Такъ мы знаемъ, что вскорѣ по смерти поэта нѣкій Палацци выпустилъ въ продажу гипсовые снимки, своей работы, съ посмертной маски, придѣлавъ къ нимъ волоса до половины головы, и другіе поменьше, оправленные въ рамку²⁾. „Какъ тѣ, такъ и другіе

1) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е. Спб. 1885, т. VI, стр. 19.

2) „Изображенія скульптурныя: 1) Маска А. С. Пушкина. Палацци придѣлалъ къ ней и волоса до половины головы (цѣна 15 руб.); въ меньшей толщинѣ у него же на голубомъ фондѣ; она оправлена въ рамку“. (Художеств. Газета 1837, № 9—10). Г. Либровичъ, говоря о работахъ Палацци со словъ „Русскаго Художеств. Листка“ Тимма 1861, № 32, передаетъ извѣстіе „Художеств. Газеты“ нѣсколько иначе: „Вскорѣ послѣ смерти Пушкина пущены были въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины го-

снимки съ маски составляютъ теперь большую рѣдкость и, насколько извѣстно, не имѣются уже ни въ одной изъ извѣстныхъ пушкинскихъ коллекцій. Куда они исчезли — неизвѣстно“¹⁾.

Одновременно съ Палацци, съ маски Пушкина Элеонорою Жуковскою былъ сдѣланъ рисунокъ, впервые воспроизведенный, кажется, въ 1837 г., литографически²⁾; затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“ 1843 г., изд. Кони³⁾. Послѣ значительнаго перерыва онъ сталъ снова появляться въ нашихъ изданіяхъ лишь съ 1887 года: при сочиненіяхъ Пушкина, изд. г. Суворинымъ, при біографіи поэта, написанной г. Скабичевскимъ (въ изданіи г. Павленкова), въ юбилейномъ № (4-мъ) иллюстрированнаго журнала „Звѣзда“ за 1887 г., при статьѣ г. Русакова, „Исторія портретовъ Пушкина“⁴⁾, въ книгѣ г. Либровича, „Пушкинъ въ портретахъ“⁵⁾, въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ и, наконецъ, въ „Пушкинскомъ альбомѣ“, изданномъ „Нивою“⁶⁾. Нѣкоторыя изданія придали, въ своихъ подписяхъ и обозначеніяхъ, рисунку Жуковской неудачное и неправильное названіе „отдѣльнаго портрета“⁷⁾; другія называли его гораздо вѣрнѣе „маскою“⁸⁾; обозначеніе

ловы, работы Палацци, которые продавались по 15 руб., и подобныя же маски-копіи, тоже гипсовые, въ рамкѣ подъ стекломъ, на голубомъ фонѣ“ (Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 88. Ср. то же у В. Русакова, Исторія портретовъ Пушкина. Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152. Впрочемъ книга Либровича и статья Русакова — произведенія одного и того же лица. Ср. Пушкинъ въ портретахъ, стр. 9, примѣч. Въ болѣе позднемъ изданіи самыя ничтожныя отмѣны отъ перваго).

1) Русаковъ, 153. Либровичъ, 88.

2) „Литографированный снимокъ съ маски Пушкина, рисованной Э. Жуковскою (1837 ?)“. Межовъ, Puschkiniana, стр. 240.

3) Отдѣльное приложеніе. Сравн. каталогъ открытой въ Петербургѣ, по поводу столѣтняго юбилея поэта, Пушкинской выставки, № 204.

4) Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152.

5) Пушкинъ въ портретахъ, стр. 87.

6) Спб. 1899, стр. 26.

7) „Отдѣльный портретъ (одно лицо)“; „портретъ, рисованный съ маски“. Русаковъ, 152; Либровичъ, 88. То же и въ изданіи Суворина.

8) Въ „Звѣздѣ“ и „Историч. Вѣстникѣ“. Сравн. выше примѣчаніе 2, слова Межова въ Puschkiniana.

„Нивы“ представляет новый вариантъ, по которому выходитъ, что Жуковская готовила самую маску¹⁾. Источникъ подобныхъ неточностей и отличій, вѣроятно же всего, нѣкоторая небрежность и невниманіе; но возникнуть то и другое могло лишь на почвѣ той неизвѣстности, въ какой мы находимся и до сихъ поръ относительно первоначальнаго происхожденія маски Пушкина и первыхъ съ нея снимковъ.

Достаточно бѣлаго взгляда на любой изъ приложенныхъ къ этимъ издашямъ рисунковъ, чтобъ убѣдиться, насколько мало соотвѣтствуютъ они нонятію портрета: это не болѣе какъ маска, съ закрытыми глазами, изображеніе лица en face, при чемъ края щекъ и подбородка рѣзко оборваны и отграничены, что какъ разъ и умѣстно въ „маскѣ“, но отнюдь не въ „портретѣ“. Характерно, что, какъ Палацци придѣлалъ къ гипсовымъ снимкамъ „волоса до половины головы“, такъ и въ рисункѣ Жуковской мы встрѣчаемся съ волосами же. Искусственность расположенія этихъ волосъ, извѣстнаго рода симметричность особенно бросаются въ глаза. Мало того. Эти волосы точно каменные; ихъ завитки слишкомъ грубы для того, чтобъ допустить здѣсь участіе карандаша или кисти, и потому невольно является мысль: не рисовала ли ихъ Жуковская, имѣя передъ собою снимокъ Палацци?

Во всякомъ случаѣ едва ли возможно сомнѣваться, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ очень отдаленнымъ напоминаніемъ дорогихъ намъ чертъ, и во всякомъ случаѣ съ изображеніемъ, искаженнымъ позднѣйшими и совершенно ненужными наслоеніями.

Гдѣ же однако хранилась самая маска?

Въ 1880 г., въ дни празднествъ, состоявшихся по поводу открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, въ Петербургѣ была устроена выставка, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, была представлена маска поэта, снятая, какъ гласилъ

1) „Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской“. Каталогъ нынѣшней Петербургской выставки (№ 204) выражается такъ: „Рисунокъ съ маски, сдѣланный Элеонорой Жуковской“.

каталогъ, на другой день послѣ его смерти¹⁾. Съ этой маски, составляющей собственность Т. Б. Сѣмечкиной, тогда же, по порученію петербургскаго книгоиздателя Вольфа, „снять былъ молодымъ художникомъ, воспитанникомъ Академіи Художествъ, А. В. Малиновскимъ, точный рисунокъ карандашомъ, какъ одинъ изъ матеріаловъ для предполагавшагося Вольфомъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина“. Копія съ этого рисунка, работы Н. И. Каменева, воспроизведенная цинкографіею, появилась спустя нѣсколько лѣтъ въ другомъ изданіи Вольфа, — въ журналѣ „Задушевное Слово“ 1887 г., № 13; отсюда перепечатана въ его же „Нови“, въ упоминавшейся уже статьѣ г. Русакова²⁾, въ книгѣ г. Либровича³⁾ и, наконецъ, въ изданномъ журналомъ „Нивою“ „Пушкинскомъ альбомѣ“⁴⁾.

Эти послѣднія воспроизведенія существенно отличаются отъ прежнихъ, связанныхъ съ именемъ Э. Жуковской. Прежде всего это именно маска, съ открытымъ лбомъ, съ оголенною переднею частью черепа, безъ малѣйшаго присутствія головныхъ волосъ и лишь со слабыми отпечатками бакенбардъ по бокамъ. Я не специалистъ въ техническихъ вопросахъ этого рода и не рѣшаюсь проводить далѣе параллели; но полагаю, что и любой глазъ въ маскѣ г-жи Сѣмечкиной замѣтитъ, насколько ближе она къ изображенію мертваго лица.

Маска г-жи Сѣмечкиной едва ли не впервые давала возможность болѣе или менѣе значительному кругу лицъ всмотрѣться и изучать черты поэта тотчасъ послѣ его кончины;

1) „Маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти. Въ витринѣ чернаго дерева“ (Каталогъ Пушкинской выставки. Спб. 1880, стр. 33). Въ одной изъ позднѣйшихъ замѣтокъ читаемъ такой вариантъ: „На Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ была выставлена маска великаго поэта, снятая, какъ значилось и въ каталогѣ, и въ запискѣ, приклеенной къ стеклу, на другой день послѣ смерти Пушкина“ (С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 іюля, № 6975).

2) Новь 1888, т. XX, № 5, стр. 151.

3) Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 86.

4) Спб. 1899, стр. 26.

но съ другой стороны замѣтка, какою сопровождалось ея появленіе въ публикѣ, неизбежно должна была вызвать сомнѣнія и запросы. Дѣло въ томъ, что заявленіе „Каталога Пушкинской выставки“ о снятіи маски на другой день послѣ смерти Пушкина плохо согласовалось съ словами Жуковскаго, который, какъ мы уже знаемъ, писалъ, что маску сняли немедленно. Г. Либровичъ подмѣтилъ это противорѣчіе и старался примирить его, но едва ли удовлетворительно.

„Смерть такъ неожиданно постигла Пушкина и произвела до такой степени сильное впечатлѣніе на окружавшихъ поэта родныхъ, друзей и почитателей, что въ первую минуту никто даже и не подумалъ о наилучшемъ сохраненіи чертъ его лица — о снятіи съ него гипсовой маски. О маскѣ вспомнили лишь на слѣдующій день послѣ смерти поэта, и она была снята уже тогда, когда лицо Пушкина совсѣмъ окостенѣло и значительно измѣнилось. Маска сохранила, поэтому, лишь немного сходства. Можетъ быть, впрочемъ, что была снята другая еще маска, сейчасъ же послѣ смерти Пушкина“¹⁾. Болѣе внимательное чтеніе письма Жуковскаго, думается, предохранило бы отъ такой искусственной гипотезы.

Дѣйствительно, если маска была снята „немедленно“ и дала удовлетворительные результаты, то какая надобность являлась снимать вторично, особенно если лицо „совсѣмъ окостенѣло“, если оно успѣло „значительно измѣниться“? Конечно, и первый снимокъ могъ быть неудаченъ; но тѣмъ труднѣе было ожидать удачи второго, когда съ каждымъ часомъ лицо теряло свое первоначальное выраженіе. Будетъ гораздо правдоподобнѣе допустить, что маску снимали лишь одинъ разъ, и притомъ въ самый день смерти, или самое позднее въ ближайшую ночь. А если и признать справедливость „другого дня“, то все же безъ вторичнаго накладыванія гипса, подъ условіемъ, что тѣло еще не успѣло измѣ-

¹⁾ Р у с а к о в ъ , Исторія портретовъ Пушкина. Новь 1888, т. XX, № 5, стр. 150—151. — Л и б р о в и ч ъ , Пушкинъ въ портретахъ, 85.

ниться и во всякомъ случаѣ до истеченія первыхъ сутокъ съ минуты кончины. Въ пользу такого ограниченія говорить совокупность также и другихъ обстоятельствъ.

Пушкинъ скончался 29 января въ три четверти третьяго пополудни ¹⁾. „Мы долго стояли надъ нимъ“ — говоритъ Жуковскій — „молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое свершалось передъ нами во всей умирительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немелленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а глубокой и величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось взглядѣться въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу, а я, исполняя повелѣнiе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью Иобывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Вiельгорскимъ обѣдать Вечеру, увлеченный необходимостiю, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, ввечеру ²⁾, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня та горница, гдѣ онъ лежалъ въ гробѣ, была безпрестанно полна народомъ“ ³⁾.

Вотъ послѣдовательность событiй, какъ она передана Жуковскимъ. Первые три четверти часа, послѣ которыхъ тѣло вынесли въ сосѣдную комнату, понадобились, очевидно,

1) Сочиненiя Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 18, примѣчанiе.

2) Т. е. 31 января.

3) Сочиненiя Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 18—19.

для обмыванія покойнаго и первыхъ приготовленій, — было уже половина четвертаго. Послѣ этого Жуковскій запечатываетъ кабинетъ своею печатью, остается еще нѣсколько времени въ домѣ и только тогда уже ѣдетъ къ Вельгорскимъ. Не въ этотъ ли первый часъ - полтора и снята была маска? Времени на это хватило бы.

Быть можетъ, Жуковскій заранѣе, еще до смерти, озаботился обо всемъ необходимомъ? Такая предусмотрительность еще не означала бы непременно черстваго неумѣстнаго движенія сердца, — скорѣе даже наоборотъ, въ ней можно было бы видѣть заботливое желаніе сохранить для себя и для потомства драгоценныя черты: сомнѣваться же въ печальномъ исходѣ — увы! — не приходилось: доктора не подавали никакой надежды¹⁾; не даромъ же тотъ же Жуковскій, получивъ приказъ государя запечатать кабинетъ въ случаѣ смерти, держалъ себя наготовѣ и запасся печатью.

Съ другой стороны нѣтъ особой надобности настаивать непременно на предварительныхъ распоряженіяхъ. Слова Жуковскаго, весь тонъ ихъ даютъ скорѣе право думать, что мысль о маскѣ явилась уже по смерти Пушкина: „Къ счастью, я вспомнилъ вó-время“ — говоритъ онъ, т. е. спохватился, не упустилъ минуты, которая могла быть упущена и уже безвозвратно. Пока же обмывали тѣло, не трудно было спосылать въ лавку за гипсомъ, распорядиться вызвать скульптора²⁾. Снимать и начали, обмывни тѣло и вынеся его въ другую комнату — это и было, вѣроятно, то „нѣсколько времени“, которое Жуковскій „еще“ побылъ въ домѣ.

Разумѣется, все это одни только предположенія; снимать могли и позже, когда Жуковскій обѣдалъ у Вельгорскихъ или сидѣлъ у государя, или даже послѣ визита его во дво-

1) Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, Анскаго, т. VII, стр. 440.

2) Изъ только-что появившейся замѣтки г. Липина можно думать, что маску снималъ итальянецъ Фратини, скульпторъ (Новое Время 1895, 18 мая, № 8340).

рець. Но, не говоря про естественность для Жуковского, какъ инициатора всей идеи, пожелать лично присутствовать при сниманіи (вся процедура требуетъ немного времени), а также и про то, что, отодвигая наложеніе гипса съ каждымъ часомъ все далѣе и далѣе, мы все болѣе и болѣе будемъ впадать въ противорѣчіе съ категорическимъ заявленіемъ Жуковского о немедленномъ снятіи маски, — не говоря про все это, но даже при полномъ желаніи отодвинуть этотъ моментъ, намъ все равно очень скоро пришлось бы остановиться, дойдя до предѣла, далѣе котораго идти станетъ уже явною невозможностью.

По словамъ Жуковского, на другой день, 30 января, тѣло переложили въ гробъ, и едва ли есть надобность настаивать на томъ, что это переложеніе и есть тотъ предѣлъ, далѣе котораго вести рѣчь о снятіи маски не приходится никакимъ уже образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не на людяхъ же снимали эту маску, не въ тѣ же часы, когда толпы народа тѣснились у гроба — а въ теченіе 30 и 31 января, „въ эти оба дня“, свидѣтельствуетъ Жуковский, „болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебивало“¹⁾. Какъ ни кратковременна процедура сниманія маски, все же тѣло, положенное въ гробъ, пришлось бы потревожить, отбросить волосы, передъ этимъ причесанные и разглаженные, намазать самое лицо масломъ, потомъ смывать его и т. п.

Когда именно, т. е. въ которомъ часу положенъ былъ Пушкинъ въ гробъ, неизвѣстно; но несомнѣнно, что еще утромъ. Въ 3 часа пополудни, мы знаемъ, академикъ Бруни сидѣлъ уже за мольбертомъ и срисовывалъ его портретъ²⁾. Шестидесятый градусъ широты, обычное освѣщеніе въ Петербургѣ январскихъ зимнихъ дней — всего этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобъ заранѣе признать, что въ три часа день клонился къ закату; къ тому же день 30 января какъ

1) Сочиненія Жуковского, т. VI, стр. 19.

2) Давыдовъ, Квартира А. С. Пушкина въ концѣ января 1837 г. Русская Страница 1887, т. 54, апрѣль, 163.

разъ былъ „пасмурный“; на дворѣ стояла „оттепель“ 1). Такимъ образомъ наступали сумерки, и можно съ увѣренностью сказать, что Вруни не начиналъ, а доканчивалъ свою работу, хотя бы и вынужденный отложить ее до другого дня, и что поэтому начало его сеанса едва ли ошибочно будетъ отнеси часа на два или на три ранѣе.

Кромѣ того близкій къ Пушкину Даль, не отходившій въ теченіе всѣхъ этихъ тревожныхъ дней отъ постели умирающаго, сообщаетъ, что тѣло Пушкина вскрывали 2), а это могло быть сдѣлано не позже ранняго утра 30-го, если не въ ночь съ 29 на 30, и опять таки, конечно, уже послѣ снятія маски.

Все только-что сказанное, значительно суживая время, когда могло произойти сниманіе маски, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ отвергнуть предположеніе, будто бы гипсовые снимки накладывались на лицо два жды, и съ недовѣріемъ отнестись къ заявленію „Каталога Пушкинской выставки“, будто бы маска снята была на другой день послѣ смерти поэта. Хотя категорически отрицать его мы не имѣемъ права, но во всякомъ случаѣ версію эту возможно признать лишь при условіи „день“ относить къ самому раннему утру, можетъ быть, даже къ первымъ часамъ пополуночи; слова же „немедленно“ понимать, какъ сознаніе самого Жуковскаго, что черты лица Пушкина еще и ночью „не успѣли измѣниться“.

Таковъ нашъ первый выводъ. Дополнимъ его указаніемъ, что всѣ до сихъ поръ появлявшіеся въ печати снимки не могутъ претендовать на точность воспроизведенія, — не только рисунки Жуковской съ ихъ фантастичными волосами, но и рисунки съ маски г-жи Сѣмечкиной, такъ какъ послѣдняя, какъ мы уже видѣли, воспроизведена не непосредственно, а съ рисунка, рисованнаго карандашомъ, т. е. отъ руки.

1) Ibidem, 162.

2) Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, т. VII, стр. 453, 455.

Вотъ почему, думается, настоящее изданіе маски съ фотографическаго негатива представляетъ ту цѣнность, что впервые даетъ точное и документальное воспроизведеніе оригинала. Таковымъ для настоящаго изданія служила впрочемъ не маска г-жи Сѣмечкиной, а другая, составляющая собственность Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Эта маска имѣетъ свою маленькую исторію, съ которою я предварительно и хотѣлъ бы подѣлиться.

Маска, хранящаяся въ нашей Библиотекѣ, поступила туда въ даръ отъ профессора Дерптскаго университета М. П. Розберга и въ теченіе многихъ уже лѣтъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Библиотеки, въ т. наз. отдѣленіи проф. Моргенштерна. На этомъ мѣстѣ засталъ ее не только я въ 1891 г., но тамъ же помнятъ ее и многіе другіе задолго до этого года. Можно лишь удивляться, какъ не обратили на нее вниманія ни въ пору составленія проектовъ памятника Пушкину, когда для скульптора такъ цѣнно было имѣть передъ глазами живыя черты наиболѣе близкія къ оригиналу, — ни въ пору открытія этого памятника въ Москвѣ, въ 1880 году, когда все, относящееся до Пушкина, уже само по себѣ представляло большой интересъ, — ни, наконецъ, въ 1887 г., когда пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта оживило толки о немъ и опредѣлило работу общественной мысли снова въ этомъ направленіи.

Лѣтомъ 1895 г. случайный посѣтитель Библиотеки, увидѣвъ эту маску, помѣстилъ о ней замѣтку въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“¹⁾. Высказанное въ ней замѣчаніе, что „такой исторической вещи подобаешь быть не здѣсь, а на самомъ видномъ мѣстѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ (въ Петербургѣ)“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что въ университетской Библиотекѣ она находится „не въ своей компаніи: по стѣнамъ развѣшаны портреты всѣхъ нѣмецкихъ, хотя и великихъ поэтовъ (Шиллеръ, Гете, Лессингъ и пр.), но ни од-

1) Мих.—нъ, Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 8 іюля, № 149.

ного русскаго“, — слова эти тогда же нашли свой отголосок и породили цѣлую маленькую литературу. Не затрогивая ее полностью¹⁾, остановлюсь лишь на вопросѣ, кто пожертвовалъ въ Юрьевскій университетъ маску Пушкина и представляетъ ли собою данная маска оригиналь или копію.

„Сынъ Отечества“ высказалъ предположеніе, что маска подарена извѣстнымъ хирургомъ Пироговымъ, бывшимъ воспитанникомъ Дерптскаго университета²⁾. Въ свою очередь „Московскія Вѣдомости“, опираясь на знакомыя уже намъ строки Жуковскаго изъ его „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, дарителемъ считали Зейдлица. „Эта маска находилась у Жуковскаго до отъѣзда его за-границу, а по выѣздѣ его изъ Россіи, въ 1841 году, хранилась въ Мраморномъ дворцѣ вмѣстѣ съ коллекціей его картинъ, гипсовъ, гравюръ и книгъ. Послѣ же кончины Жуковскаго и недолгой жизни его жены, Е. А. Жуковской, оставшееся художественное собраніе, въ 1856 году, было прибрѣтено душеприкащикомъ и вѣрнымъ другомъ покойнаго поэта, К. К. Зейдлицомъ, который, проживая то въ Дерптѣ, то въ его окрестностяхъ — въ Мейерсгоффъ (имѣніи, купленномъ также у Жуковскаго), и пожертвовалъ маску Пушкина въ Юрьевскій университетъ“³⁾.

1) Именно по вопросу о мѣстѣ, гдѣ должна храниться маска, такъ какъ прямого отношенія къ нашей темѣ она не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что то, что высказывалось по этому поводу, въ большинствѣ носило характеръ не столько объективнаго обсужденія, сколько полемики. „Новое Время“ выражало надежду, что „можетъ быть найдутся люди, которые позаботятся о надлежащемъ помѣщеніи маски“ (1895, 11 іюля, № 6955) и раздѣляло мысль „Р.Вѣстника“ о перенесеніи ея въ Императорскую Публичную Библиотеку (1895, 24 іюля, № 6968); „Гражданинъ“ высказывался за Александровскій Лицей (См. Риж. Вѣстникъ 1895, 12 іюля, № 152 и 15 іюля, № 155); нѣмецкая мѣстная юрьевская газета, „Neue Dörptsche Zeitung“, наоборотъ, отстаивала права Университета, какъ собственника, хранившаго маску въ теченіе двухъ поколѣній (около 50 лѣтъ), и допускала возможность найти въ помѣщеніяхъ Имп. Публичной Библиотеки другой экземпляръ такой же маски (1895, 19 Julii, № 160). Другая мѣстная газета, русская — „Прибалтійскій Листокъ“, отстаивала ту же точку зрѣнія (Приб. Лист. 1895, 24 іюля, № 27—28).

2) См. Рижскій Вѣстникъ 1895, 13 іюля, № 153.

3) К—ій, Гипсовая маска Пушкина. Москов. Вѣдомости 1895, 18 іюля, № 195.

Было высказано и третье предположеніе: „Neue Dörptsche Zeitung“ называла ¹⁾ профессора Моргенштерна, исходя, вѣроятно, изъ того соображенія, что маска хранилась въ Библіотекѣ въ отдѣленіи, носящемъ имя этого послѣдняго. Моргенштернъ, извѣстный въ свое время дерптскій профессоръ по каедрѣ древнеклассической филологіи, большой эстетикъ и тонкій цѣнитель искусствъ, положившій не мало заботъ на устройство университетской Библіотеки, лежавшей на его попеченіи ²⁾, стоялъ въ дружескихъ связяхъ съ Жуковскимъ и могъ, по мнѣнію газеты, получить маску отъ послѣдняго.

Впрочемъ почти тотчасъ же газета имѣла возможность исправить свою ошибку, напавъ на точный слѣдъ ³⁾, и назвать дѣйствительнаго дарителя, профессора Розберга, получившаго ее въ 1856 г. при своемъ посѣщеніи Святогорскаго монастыря, въ даръ отъ П. А. Осиповой на самой могилѣ поэта и въ свою очередь передавашаго ее библіотекѣ Дерптскаго университета въ 60-хъ годахъ ⁴⁾. Ту же версію повторила и другая мѣстная газета — „Прибалтійскій Листокъ“ ⁵⁾.

Если, наконецъ, удалось напасть на вѣрный слѣдъ касательно лица, подарившаго маску (хотя и въ слишкомъ неопредѣленной формѣ относительно первоисточниковъ, позволившихъ связывать подарокъ съ именемъ Розберга и Осиповой),

1) „Neue Dörptsche Zeitung“ 1895, 19 Juli, № 160.

2) Онъ управлялъ ею до 1839 г.

3) Die Angabe beruht auf Mittheilungen, die anlässlich unserer Notiz aus dem Kreise der nächsten Angehörigen des weil. Professors Rosberg gemacht worden sind (Neue Dörptsche Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162). Здѣсь имѣются въ виду сообщенія г-жъ Розбергъ, дочерей проф. Розберга.

4) Die Todtenmaske, welche die Freundin des verstorbenen Dichters (т. е. П. А. Осипова) an seinem Grabe Professor Rosberg überreichte, muss von Letzterem in den 60-er Jahren der hiesigen Universitäts-Bibliothek zum Geschenk gemacht worden sein. (Neue Dörptsche Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162).

5) К., Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Прибалтійскій Листокъ 1895, 24 июля, № 27—28, стлбц. 418—420. Перепечатывая сообщеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и отстаивая свою версію, „Neue Dörptsche Zeitung“ считала возможнымъ, что маска попала къ Осиповой отъ Жуковскаго еще при жизни послѣдняго, можетъ быть, при отъѣздѣ его за-границу (1895, 24 Juli, Nr. 163).

то по вопросу о томъ, что это за маска, копія или оригиналь, всѣ высказанныя сужденія не дали никакой твердой точки опоры для вывода.

Знакомый уже намъ авторъ замѣтки „Рижскаго Вѣстника“¹⁾ считалъ весьма возможнымъ видѣть въ маскѣ „единственную, современную, подлинную, а не копію съ оригинальной или эскиза: маска до того „мертва“, въ ней столько характерныхъ деталей, что по моему мнѣнію (добавлялъ онъ) не можетъ быть сомнѣній, что эта маска снята съ покойнаго поэта“²⁾. Онъ же еще раньше писалъ: „Маска (гипсовая), повидимому, снята сейчасъ же послѣ смерти, такъ какъ черты прекрасно сохранились (судя по портретамъ). Нѣсколько полуоткрытый ротъ, рядъ зубовъ, характерный типъ лица и впалые мертвые глаза“³⁾. Г. К-ий въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, какъ мы уже видѣли, категорически признавалъ маску за оригиналь; съ своей стороны „Neue Dörptsche Zeitung“ считала мало-вѣроятнымъ, чтобы Жуковскій такъ скоро послѣ смерти поэта подарилъ оригиналь⁴⁾. Когда оказалось, что маска раньше принадлежала П. А. Осиповой, то, допуская возможность, что послѣдняя владѣла оригиналомъ, для газеты еще оставался нерѣшеннымъ вопросъ: этотъ ли оригиналь или только копію съ него получилъ профессоръ Розбергъ⁵⁾; сообщеніе же „Московскихъ Вѣдомостей“ придало извѣстную долю вѣроятности въ пользу оригинала⁶⁾.

Соображенія провинціальныхъ газетъ вызвали въ „Новомъ Времени“ замѣтку г. Либровича⁷⁾, который напоминалъ уже

1) На этотъ разъ онъ подписался болѣе полнымъ именемъ.

2) Гражданскій инженеръ Мих. А-н-ш-нъ, Еще о маскѣ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 15 іюля № 155. Написано по поводу словъ „Гражданина“: „если она (маска) дѣйствительно снята съ поэта“.

3) Рижскій Вѣстникъ 1895, № 149.

4) N. D. Zeitung 1895, 19 Juli, Nr. 160.

5) N. D. Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162.

6) N. D. Zeitung 1895, 24 Juli, Nr. 163.

7) С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 іюля, № 6975.

извѣстныя намъ данныя изъ своей книги „Пушкинъ въ портретахъ“. Впрочемъ на этотъ разъ онъ отступилъ отъ прежняго предположенія и допускалъ снятiе лишь одной маски, считая университетскiй экземпляръ за копiю. Свидѣтельство Жуковскаго въ „Послѣднихъ минутахъ“ относится, по мнѣнiю г. Либровича, къ маскѣ, снятой на другой день послѣ смерти поэта, — „и другой маски, кромѣ этой снято не было. По крайней мѣрѣ очевидцы смерти Пушкина и слѣдовавшихъ за тѣмъ дней до погребенiя поэта ничего о такой маскѣ не упоминаютъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ полагать, что маска, бывшая на Пушкинской выставкѣ, и та, о которой пишетъ Жуковскiй, есть одна и та же маска и что если имѣются еще какiя либо маски Пушкина, то это лишь снимки съ подлинной маски“.

Заключительная мысль замѣтки состояла въ слѣдующемъ : „Сходство рисунка Жуковской съ маскою Юрьевского университета невольно наводитъ на мысль, что маска Пушкина, находящаяся въ Юрьевскомъ университетѣ, не есть подлинная посмертная маска, но лишь одна изъ тѣхъ копiй, которыя въ свое время выпустилъ въ продажу Палацци“.

Трудно понять, что именно могло навести г. Либровича (самъ онъ университетской маски не видалъ) на мысль объ этомъ сходствѣ; однако, не смотря на категорическое опроверженiе ¹⁾, „Историческiй Вѣстникъ“ въ сводной статьѣ по возникшему вопросу принялъ его точку зрѣнiя ²⁾.

Сказаннымъ исчерпывается литература, посвященная маскѣ, принадлежащей Библиотекѣ Императорскаго Юрьевского университета.

1) Мих. А-нъ, Еще о „маскѣ“ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскiй Вѣстникъ 1895, 2 августа, № 169. То же и въ N. D. Zeitung 1895, 3. August, № 172.

2) „Доводы г. Либровича, повидимому, вполне убѣдительны и едва ли могутъ быть поколеблены появившимся въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ письмомъ г. М. А-на“ (Маска Пушкина. Историч. Вѣстникъ 1895, сентябрь (въ отдѣлѣ смѣси), стр. 815—817).

Михаилъ Петровичъ Розбергъ былъ современникомъ Пушкина, почти въ однихъ годахъ ¹⁾, и лично зналъ поэта. Хотя и нѣмецъ по происхожденію, онъ былъ русскимъ по воспитанію, и при томъ настолько, что роднымъ нѣмецкимъ языкомъ владѣлъ далеко не съ такою легкостію, какъ русскимъ ²⁾. Первые дѣловыя бумаги его, по вступленіи въ Дерптскій университетъ, написаны или порусски, или по-французски, и лишь позже переходить онъ на общеупотребительный въ то время въ здѣшнемъ университетѣ языкъ. Письмо его, недавно напечатанное въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ ³⁾, доказываетъ не только полную свободу въ русской рѣчи, но и несомнѣнный навыкъ къ изящнымъ литературнымъ формамъ.

Родившись въ Москвѣ, Розбергъ и образованіе закончилъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1825 г., со степенью кандидата философіи. Первое время по окончаніи курса, онъ продолжалъ жить въ первопрестольной и здѣсь познакомился съ Пушкинымъ. Вотъ какъ впослѣдствіи онъ самъ вспоминаетъ объ этомъ: „Я вспомнилъ день, осенью 1826 года, въ который я встрѣтился у Веневитинова, вечера нашихъ общихъ, согрѣтыхъ огнемъ юности, пировъ у Полевыхъ, за Сухаревой башней; мнѣ мерещилось гулянье подъ Новинскимъ, гдѣ я видѣлъ, какъ толпы народа ходили за славнымъ пѣв-

1) Г. Троицкій говоритъ, что онъ родился въ 1804 г. (Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751); въ послужномъ спискѣ Розберга вообще сказано, что въ 1845 г. ему было 40 лѣтъ (Архивъ Юрьевского университета).

2) Herr Michael Rosberg ist zwar in einer ursprünglich deutschen Familie in Moskau geboren, muss jedoch nach dem ganzen Gange seiner Erziehung und Bildung als Russe von Nation betrachtet werden, da er, wiewohl er sich der deutschen Sprache durch Studium in dem Grade hemäciltigt hat, dass er in derselben abgefasste Werke selbst aus dem Fache der speculativen Philosophie ohne Schwierigkeit liest und versteht, doch das Deutsche nicht zum bequemen Gebrauch der mündlichen Unterhaltung beherrscht (Архивъ Юрьевского университета).

3) 1899, № 5.

цомъ Эльборуса и Бахчисарая, при восклицаніяхъ съ разныхъ сторонъ — укажите! укажите намъ его! . . . “¹⁾.

Въ 1829 г. Розбергъ поступаетъ на службу въ Одессу чиновникомъ особыхъ порученій при Бессарабскомъ и Новороссійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, а съ 1830 г. по 1834 издаетъ „Одесскій Вѣстникъ“. Тогда же Розбергъ назначенъ былъ учителемъ русской литературы въ Ришельевскомъ лицее, а годъ спустя занялъ, все тамъ же, „профессорскія кафедры исторіи и русской словесности, первую съ 20 октября, а послѣднюю съ 14 декабря 1831 года и продолжалъ преподаваніе до 1 сентября 1835 года“²⁾. Здѣсь застало его избраніе на кафедру русскаго языка и литературы, которую онъ занималъ въ теченіе свыше 30 лѣтъ (1836—1867), когда за выслугою 35-лѣтняго срока службы вышелъ въ отставку³⁾. Членъ Академіи Наукъ по 2 отдѣленію съ 1849 г.⁴⁾, Розбергъ скончался въ Дерптѣ 1 ноября 1874 г.⁵⁾.

Хотя московское знакомство Розберга съ Пушкинымъ, повидимому, было довольно мимолетно, на тѣхъ вышеупомянутыхъ свиданіяхъ и оборвалось; но для новаго профессора, съ переездомъ въ Дерптъ, лежація по сосѣдству, въ разстояніи какихъ-нибудь сутокъ или полутора вѣды, Михайловское и Тригорское могли имѣть притягательную силу уже по одному имени Пушкина, съ нимъ связанному. Кромѣ того не забудемъ, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ культурныя связи, литературныя и научныя, по ту и по другую сторону Пейпуса (любопытная, но мало еще обслѣдованная страничка изъ исторіи нашей общественности) вообще были довольно оживленными. Стоитъ вспомнить Жуковского, Язы-

1) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 753.

2) Архивъ Юрьевскаго университета.

3) Архивъ Юрьевскаго университета.

4) Историческій Вѣстникъ 1899, май, стр. 751.

5) Архивъ Юрьевскаго университета. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899, май, стр. 751, конечно, опечатка: 1847 вм. 1874 г.

кова, Пушкина, Вульфа, Елагину, Зейдлица, псковскаго архіепископа Евгенія (Болховитинова) и рядъ дерптскихъ профессоровъ, чтобы понять о чемъ я говорю.

Профессору русской литературы вполне естественно было посѣтить мѣста, освященныя вдохновеніемъ поэта, и вотъ лѣтомъ 1856 г. Розбергъ, дѣйствительно, собрался туда. Онъ испросилъ себѣ двухмѣсячный отпускъ ¹⁾, во второй половинѣ іюля явился гостемъ въ Александровѣ, имѣніи Сердобинныхъ, отсюда совершилъ поѣздку въ Голубово, къ Вревскимъ, гдѣ познакомился съ А. Н. Вульфомъ; потомъ „вдвоемъ“ съ магистромъ Дерптскаго университета Солнцевымъ съѣздили въ Святогорскій монастырь поклониться праху поэта, а на обратномъ пути заѣзжалъ въ Михайловское и Тригорское, имѣніе Осиповыхъ ²⁾. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, видѣлъ ли онъ кого, къ сожалѣнію, Розбергъ въ недавно напечатанномъ письмѣ своемъ къ брату ни о чемъ объ этомъ не упоминаетъ ни словомъ. Только однажды, говоря о знакомствѣ въ домѣ Вревскихъ съ Вульфомъ, Розбергъ замѣчаетъ, что „отъ него (т. е. Вульфа) и отъ сестеръ его по второму замужеству его матери, дѣвицъ Осиповыхъ, слышалъ я много любопытныхъ наглядныхъ подробностей“ ³⁾. Но гдѣ видѣлъ онъ Осиповыхъ, въ Голубовѣ или у нихъ дома, въ Тригорскомъ?

Нельзя не обратить вниманія и на полное умолчаніе объ Осиповой-матери, Парасковѣ Александровнѣ, которая, конечно, всего больше могла бы сообщить Розбергу подробностей о Пушкинѣ. П. А. Осипова была въ ту пору еще жива, хотя уже и въ преклонномъ возрастѣ, 76 лѣтъ ⁴⁾. Впрочемъ умолчаніе о П. А. еще не доказательство, чтобъ Розбергъ съ ней не видался. Не говоря про то, что въ „Историческомъ

1) Съ 19 іюня по 19 августа. Архивъ Юрьевскаго университета.

2) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751—752.

3) *Ibidem*, 752.

4) Она умерла въ 1859 г. (Ефремовъ, А. С. Пушкинъ. Русская Старина 1879, т. 26, октябрь, стр. 296).

Вѣстникѣ“ помѣщенъ лишь „отрывокъ“ письма, но и самое „письмо“ по формѣ и характеру изложенія скорѣе смахиваетъ на записку, какой-нибудь отчетъ, а не на бесѣду, какая ведется въ обычной перепискѣ. Да если получать было Розбергу маску, то, конечно, не отъ дочерей, а отъ матери, которая въ семьѣ одна только и могла распорядиться такою вещью.

Фактъ же полученія Розбергомъ маски отъ П. А. Осиповой опирается на категорическое заявленіе дочерей проф. Розберга, дѣвицъ М. М. и Е. М. Розбергъ, и понынѣ живущихъ въ г. Юрьевѣ: „Въ іюль мѣсяцѣ 1856 г., при посѣщеніи могилы Пушкина, П. А. Осипова подарила М. П. Розбергу маску Пушкина. Отчего проф. Розбергъ не упоминаетъ объ этомъ въ напечатанномъ письмѣ къ брату, неизвѣстно. Не потерялось ли второе письмо, въ которомъ описана поѣздка въ Тригорское и передача маски? Теперь узнать это невозможно за смертію всѣхъ свидѣтелей и участвовавшихъ лицъ. На запросъ объ маскѣ одна изъ дочерей барона Вревскаго отвѣчала, что у бабушки ея, П. А. Осиповой, были три маски Пушкина, а послѣ смерти нашли только двѣ“.

Подаренную маску Розбергъ привезъ, тщательно укутавъ ее въ вату.

Мы видѣли выше, что лица наиболѣе близкія къ Розбергу считаютъ, что маска была передана Осиповой на самой могилѣ поэта. Между тѣмъ изъ письма Розберга довольно ясно, что при немъ въ Святогорскомъ монастырѣ, кромѣ спутника Солнцева, никого изъ пріѣзжихъ не было; разумѣется, онъ могъ вторично съѣздить туда, изъ Тригорскаго, вмѣстѣ съ старушкой Осиповою; но если даже и допустить, что послѣдняя была на это въ силахъ, все же чувствовалась бы нѣкоторая натянутость въ предположеніи (а оно въ такомъ случаѣ неизбѣжно), что Осипова нарочно брала маску изъ Тригорскаго и возила ее въ Святогорскій монастырь для врученія, тогда какъ гораздо проще это можно было бы сдѣлать въ самомъ домѣ. Тѣмъ не менѣе въ виду источника, изъ котораго сложилось

такое представлѣніе, мы не имѣемъ права отвергать его, тѣмъ болѣе что то, что кажется въ нашъ вѣкъ натянутымъ и ненатуральнымъ, для людей, воспитанныхъ въ эпоху романтизма, могло быть движеніемъ вполне естественнымъ.

Впрочемъ вопросъ о пунктѣ, гдѣ маска изъ однихъ рукъ перешла въ другія, въ настоящемъ случаѣ не играетъ никакой роли. Съ другой стороны, если вспомнить, что поѣздка Розберга имѣла главною цѣлью Пушкина, мѣста, освященныя его именемъ, что не даромъ и въ описаніи самой поѣздки особенно выдвинуто посѣщеніе могилы поэта и тѣ мысли, что были вызваны ея созерцаніемъ, — то легко допустить, что у собесѣдниковъ и слушателей Розберга съ годами детали этой поѣздки, отдѣльные эпизоды въ общемъ окристаллизовались въ одной фразѣ: Пушкинъ и его могила.

По свидѣтельству г-жѣ Розбергъ, маска была передана лично ихъ отцомъ бібліотекарю университетской Библіотеки въ шестидесятыхъ годахъ, безъ какого-либо письменнаго заявленія, какъ и вообще все, что передавалъ туда же онъ или родственники послѣ его смерти. Отсутствие такого письменнаго заявленія лишаетъ насъ возможности точнѣе приурочить время поступленія маски въ Университетъ, такъ какъ и сами г-жи Розбергъ не помнятъ точнаго года; поиски же мои въ университетскомъ архивѣ, своими отрицательными результатами, тоже подтверждаютъ отсутствіе письменныхъ слѣдовъ.

Остается разсмотрѣть вопросъ объ „оригинальности“ университетской маски. Определенно сказать, оригиналь ли это или копія, при наличности настоящихъ данныхъ (они всѣ исчерпаны на предыдущихъ страницахъ), положительно невозможно. Заявленія въ родѣ тѣхъ, что мы уже читали выше¹⁾, что маска эта „единственная подлинная“, что именно она снята съ покойнаго поэта, — не заключая въ себѣ ничего невѣроятнаго, все же строгихъ требовацій критики не удо-

1) См. выше стр. 17.

влетворять: для этого прежде всего необходимъ былъ бы голосъ спеціалиста и чисто техническое сравненіе тѣхъ отличій, которыя могутъ или должны существовать между копіей и оригиналомъ, указаніе той степени близости или отдаленности, съ какою передаются черты лица такимъ оригиналомъ и копією.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, во всемъ этомъ вопросѣ до сей поры упускался изъ вниманія одинъ важный, очень существенный вопросъ: повидимому, никто не далъ себѣ труда задуматься, что собственно въ подобныхъ маскахъ слѣдуетъ считать оригиналомъ, что копією. Насколько можно судить по приведеннымъ мнѣніямъ, подъ оригиналомъ всѣ понимали маску, непосредственно наложенную на лицо и по которой выливались всѣ остальные; эти же послѣднія, отлитыя по той, первой, и были копіями.

Но ошибочность такого представленія легко раскроется, если вспомнить самый процессъ приготовленія масокъ: гипсъ, наложенный непосредственно на лицо, не дастъ еще маски, а лишь то, что, пользуясь фотографическимъ терминомъ, можно было бы назвать негативомъ; съ такого-то негатива и получаютъ отпечатки-позитивы: первый, второй, третій и т. д. Всѣ они будутъ оригиналы, собственно же копією будетъ маска, отлитая по одному изъ такихъ позитивныхъ оригиналовъ. Отсюда ясно, что то, что до сихъ поръ въ литературѣ Пушкинской маски понимали подъ выраженіемъ „оригиналъ“, дастъ лишь обратное изображеніе лица (впадину вмѣсто носа, бугоръ вмѣсто открытаго рта и т. п.); и такой „оригиналъ“ цѣненъ не самъ по себѣ, но лишь какъ орудіе для послѣдующаго затѣмъ процесса въ преслѣдованіи намѣченной цѣли.

Гдѣ основной негативъ — мы не знаемъ; въ виду типичности чертъ университетской маски и, повидимому, маски, что принадлежитъ г-жѣ Сѣмечкиной, можно думать, что онѣ обѣ оригиналы, а такихъ оригиналовъ, по всей вѣроятности сдѣлано было нѣсколько. Взаимное отношеніе этихъ двухъ

масокъ, можетъ быть, удалось бы до нѣкоторой степени опредѣлить путемъ сличенія ихъ размѣровъ. Привожу размѣры университетской маски, чтѣ дастъ нѣкоторое понятіе и о лицѣ самого Пушкина:

1. Длина маски отъ верхняго ея края до нижняго вдоль линіи носа — $23\frac{1}{2}$ сент.
2. Ширина маски отъ лѣваго ея края до праваго вдоль глазныхъ яблокъ и по переносицѣ — $20\frac{1}{2}$ сент.
3. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, проводя линію подъ носомъ — $18\frac{1}{3}$ (съ третью) сент.
4. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, по линіи, проходящей между губами — 15 сент.
5. Разстояніе отъ праваго (внѣшняго) края праваго глаза (собственно вѣка) до лѣваго (внѣшняго) края лѣваго глаза (собственно вѣка) — $11\frac{3}{4}$ (три четверти) сент.
6. Длина носа — 6 сент.
7. Длина рта — 6 сент.
8. Открытость рта, отъ нижней части верхней губы до наружнаго края нижней, по срединѣ рта, на линіи носа — 1 сент.

Если считать, что копіи обыкновенно значительно слабѣе, по выразительности, то маску университетскую, внѣ всякаго спора, слѣдуетъ отнести къ разряду оригинальныхъ. Она прекрасно передаетъ всѣмъ извѣстныя черты поэта: явственно отпечатлѣлись на ней толстыя, мясистыя губы; прямой, у конца слегка погнутый къ низу, носъ съ широкими раздавшимися ноздрями; широкій открытый лобъ съ мощной надглазною костью. Въ числѣ мелкихъ подробностей особенно бросается небольшая ямка, точно вдавленная пальцемъ, на правомъ вѣкѣ, въ части обращенной къ носу; замѣчаются также два небольшихъ углубленія и на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ, но одно изъ нихъ едва-едва примѣтно. Ротъ даетъ возможность если не видѣть, то по крайней мѣрѣ чувствовать рядъ зубовъ.

Печать смерти лежитъ на всемъ лицѣ, и эта смерть такъ „жизненна“, такъ очевидна: лицевыя мускулы и мускулы на

лбу сильно напряжены и выражаютъ усиленіе; глаза глубоко закрыты и чувствуется, что ничто уже не подниметъ ихъ болѣе: полуоткрытый ротъ точно окостенѣлъ и какъ разъ въ ту минуту, когда умирающій поэтъ, собравъ послѣднія силы, полною грудью произноситъ свои слова, съ которыми, по свидѣтельству современниковъ,¹⁾ онъ окончательно покинулъ этотъ міръ: „прощай, жизнь!“ — жизнь, которая принесла ему столько мученій и которую онъ тѣмъ не менѣе такъ страстно любилъ. . . Вообще черты лица страданіемъ не искажены, но присутствіе смерти выражено настолько ясно, что невольно поддаешься тому торжественно-скорбному настроенію, какое обыкновенно производитъ на насъ зрѣлище только-что угасшей жизни.

При взглядѣ на эту маску само собой вспоминаются слова Жуковскаго, — онъ точно списывалъ съ нея: „Что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое, нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что-бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою, и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. . . . Конечно, того перваго выраженія, которое дала смерть, не сохранилось; но всѣ мы имѣемъ отпечатокъ привлекатель-

1) Записки Смирновой, т. II, стр. 83.

ный, изображающій не смерть, а глубокий и величественный сонъ“ 1).

Маска Пушкина покоится на гипсовой забронзированной подушкѣ, на нижней передней части которой (по зеленому фону) бронзовою краскою начертаны слова: „А. С. Пушкинъ“. Стекланный колпакъ предохраняетъ маску отъ пыли.

Ко дню 26 мая 1899 г. прежній колпакъ замѣненъ новымъ, болѣе широкимъ и удобнымъ, а гипсовая подушка вложена въ доску и вмѣстѣ съ нею обита плюшемъ темновишневаго цвѣта.

Эти строки были уже написаны, когда Юрьевскій университетъ получилъ изъ Парижа, отъ А. Θ. Онѣгина, въ даръ новый экземпляръ посмертной маски Пушкина, прекрасный слѣпокъ, хотя и уступающій по качествамъ полученному отъ Розберга: въ немъ менѣе подробностей, мускулы болѣе сглажены, все лицо не такъ индивидуализировано; не такъ ясно прочерчены глаза, не такъ чувствуются зубы, не столь отчетливо обозначены ноздри: и то, и другое, и третье представляется какъ бы заплывшимъ, точно снимокъ производился со вторичнаго негатива. Волосы на бакахъ на маскѣ проф. Розберга виднѣе и опредѣленнѣе, ямка на правомъ вѣкѣ — нѣсколько большихъ размѣровъ. Что же до двухъ небольшихъ углубленій надъ лѣвымъ глазомъ, то въ новомъ снимкѣ одно, самое мишатовое, исчезло совсѣмъ, другое же выражено слабѣе. Какъ бы замѣнъ этого нѣсколько повыше двѣ новыхъ впадинки, очерченныхъ довольно рѣзко, значительныя и по размѣрамъ, — между тѣмъ на присутствіе ихъ въ маскѣ проф. Розберга нѣтъ никакого даже намека. Наконецъ, и еще отличіе: маскѣ проф. Розберга приданъ глянецъ, какъ это прежде обыкновенно дѣлалось съ гипсовыми слѣпками; на маскѣ же г. Онѣгина глянца нѣтъ, что косвенно тоже свидѣтельствуетъ, что этотъ оттискъ приготовленія болѣе

1) Сочиненія Жуковского, т. VI, стр. 18—19.

поздняго. Вдобавокъ у нея на кончикѣ носа и подъ ноздрями желтыя пятна — слѣды масла, которымъ предварительно снятія, вѣроятно, обмазывали негативъ. Размѣрами отдѣльных частей своихъ¹⁾ новая маска совершенно тождественна съ прежнею.

Общаго подсчета всѣхъ существующихъ понынѣ масокъ еще не сдѣлано. Кромѣ нашихъ двухъ университетскихъ и г-жи Сѣмечкиной недавно заявлено объ экземплярахъ, принадлежащихъ сыну извѣстнаго художника, мировому судѣ П. Н. Ге²⁾ и А. А. Лишину³⁾. Авторъ замѣтки, указавшій на первый изъ этихъ двухъ, говоритъ, что масокъ существуетъ четыре. Было бы очень важно указать основанія, по какимъ утверждается эта цифра: это дало бы извѣстную точку опоры въ сужденіяхъ объ оригиналахъ и копіяхъ. Судя по газетамъ⁴⁾, и на Московской выставкѣ выставлена маска Пушкина; такимъ образомъ всего масокъ оказывается шесть. Которыя изъ нихъ копіи, которыя — оригиналы?

1) См. выше стр. 25.

2) Русскій, Пушкинская юбилейная выставка. Новое Время 1899, 17 мая, № 8339.

3) А. А. Л и ш и н ъ, Письмо въ редакцію. Новое Время 1899, 18 мая, № 8340.

4) Московскій Дневникъ. Россія 1899, 17 мая, № 20.

II.

П и с ь м о.

Письмо Пушкина, хранящееся въ Библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета, входитъ въ составъ коллекціи автографовъ, нѣкогда собранныхъ консерваторомъ Императорскаго Эрмитажа Шардіусомъ и подаренныхъ имъ въ 1852 г. нашему университету¹⁾.

Вотъ его содержаніе:

Милостивый Государь
Михаила Николаевичъ.

Братъ вчерашняго Австрійскаго императора Щепина возъимилъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ П. б. на нѣсколько дней — надѣюсь при своемъ возвращеніи нати Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здоровіи.

Весь Вашъ

А. Пушкинъ.

14 іюля
Москва.

На оборотѣ адресъ:

„Его Высокородію Милостивому Государю
Михайлу Николаевичу Загоскину“.

1) Письмо было уже напечатано г. Кордтомъ въ Русск. Старинѣ 1890, т. 67, августъ, стр. 292, но безъ указанія мѣстонахожденія автора и безъ опредѣленія года, къ которому слѣдуетъ его приурочить.

Письмо писано на простой плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта безъ какихъ-либо водяныхъ знаковъ, формата четвертушки писчаго листа, запечатано красною сюргучною печатью съ изображеніемъ какого-то герба. Почтовый штемпель отсутствуету. По почерку, письмо это очень сходно съ письмомъ Пушкина къ Погодину отъ 6 января 1830 г., факсимилэ съ котораго приложено къ сочиненіямъ поэта, изд. подъ редакціей г. Ефремова, при томѣ VІІ¹⁾: то же начертаніе буквъ Д, Я, такія же широкія тире; вообще совершенно одинаковая манера письма, развѣ лишь только съ болѣе ускореннымъ и торопливымъ ритмомъ движенія пера. Что же до болѣе точной даты, то ее необходимо отнести къ тому же 1830 году, и не столько въ силу только-что указаннаго сходства, сколько потому что пребываніе Пушкина въ Москвѣ 14 іюля было бы трудно, даже невозможно ириурочить къ инымъ годамъ.

Письмо писано къ Загоскину и имѣеть въ виду ходатайство, исполненіе котораго зависѣло отъ послѣдняго по его отношеніямъ къ театральной школѣ. Для Загоскина же эти отношенія начались съ 1823 г., когда Ѳ. Ѳ. Кokoшкинъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ, а онъ опредѣленъ въ контору дирекціи членомъ по хозяйственной части²⁾. Въ должности этой Загоскинъ продолжалъ оставаться и въ 1830 г., лишь съ 1831 г. занявъ мѣсто Кokoшкина³⁾. Эти данныя указываютъ намъ исходную точку въ дальнѣйшихъ поискахъ. Едва ли надо доказывать, что до 1823 г. печатаемаго нынѣ письма Пушкинъ писать не могъ; по выходѣ изъ Лицея, лѣтніе мѣсяцы 1817—1819 гг. онъ проводитъ у своихъ, въ Михайловскомъ, и живетъ въ Петербургѣ, еще не заглядывая въ Москву, а 5 мая 1820 г. покидаетъ столицу и ѣдетъ на югъ. Эти годы какъ разъ совпадаютъ съ пребываніемъ въ Петербургѣ и Загоскина, переѣхав-

1) М. 1882, изд. Анскаго.

2) Сочиненія М. Н. Загоскина. Томъ I. Спб. 1889, стр. LVІ.

3) Ibidem, LXXXIV.

шаго на постоянное жительство въ Москву въ половинѣ 1820 г. 1).

Съ 1820 г. до 30 мая 1824 г. Пушкинъ пробылъ на югѣ, затѣмъ болѣе двухъ лѣтъ въ Михайловскомъ и лишь въ сентябрѣ 1826 г. появился въ Москвѣ. Пробывъ тамъ зиму 1826—27 г., Пушкинъ весною переѣхалъ въ Петербургъ, которымъ помѣчены между прочими письма его къ Языкову и Бенкендорфу отъ 14 іюня и 20 іюля. Въ концѣ же іюля онъ опять въ Михайловскомъ 2). Въ 1828 г. извѣстно его письмо Соболевскому отъ 15 іюля изъ Петербурга; лѣто 1829 г. посвящено Кавказу; 6-мъ и 16-мъ іюля 1831 г. помѣчены его письма Чаадаеву и Плетневу изъ Царскаго Села; 11-мъ іюля 1832 г. — письмо Погодину изъ Петербурга. 6 іюля 1833 г. у Пушкина родился сынъ, и поэтъ все лѣто провелъ съ семьей въ Петербургѣ 3) и лишь 18 августа выѣхалъ черезъ Москву въ Болдино и въ Приволжскія губерніи 4); въ 1834 г. намъ извѣстно письмо его къ женѣ отъ 14 іюля изъ Петербурга; въ 1835 іюль мѣсяцъ проводитъ онъ тамъ же 5). Наконецъ, въ 1836 г. онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву въ маѣ мѣсяцѣ 6), вернулся 23 мая 7), прожилъ на берегахъ Невы до конца іюня 8) и поѣхалъ затѣмъ въ деревню.

1830 годъ опредѣляется сверхъ того и самымъ содержаниемъ настоящаго письма: „Сегодня или завтра ѣду въ Петербургъ“, говоритъ Пушкинъ. И дѣйствительно, 20 іюля 1830 г. онъ былъ уже дома: 19-го (это было въ пятницу)

1) Ibidem, XLII.

2) См. письмо Дельвигу отъ 31 іюля 1827 г.

3) См. письма его оттуда отъ 26 и 30 іюля.

4) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, октябрь, 38—39.

5) Ibidem, декабрь, 565. Ср. письмо Пушкина изъ Петербурга, отъ 22 іюля 1835 г.

6) Оттуда его письма 4—18 мая.

7) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, декабрь, 584.

8) Ibidem, 585.

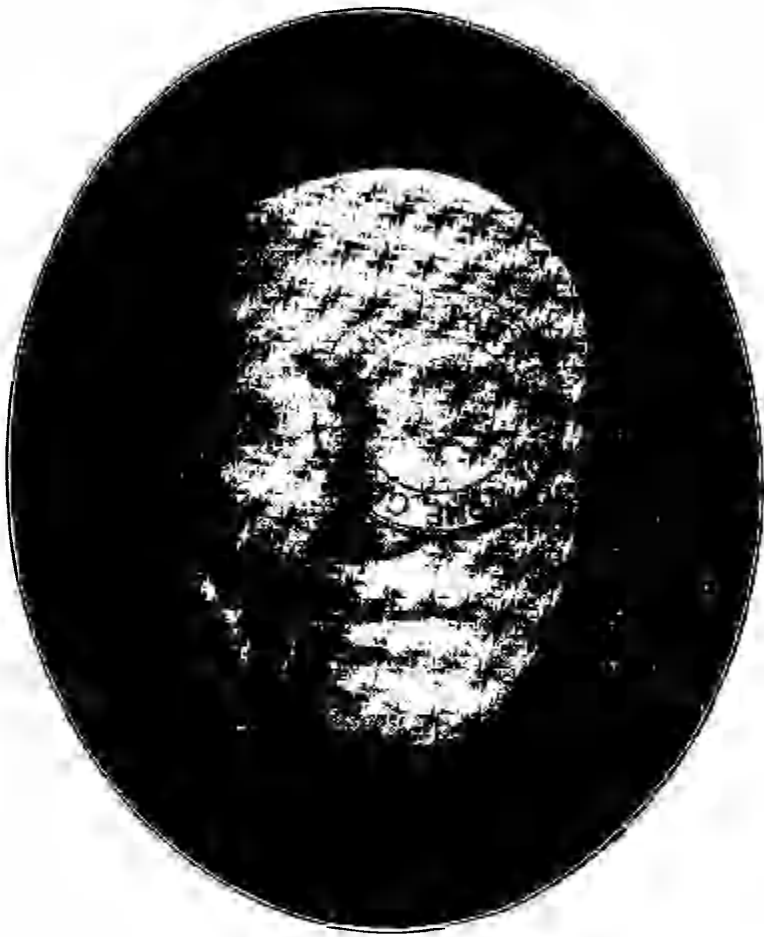
мать его, Н. О. Пушкина, пишетъ дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ изъ Петербурга: „Александра здѣсь еще нѣтъ; впрочемъ его надо ожидать съ минуты на минуту 1);“ она же ей отъ 22 іюля, т. е. въ понедѣльникъ: „Александръ, наконецъ, съ нами. Приѣхалъ онъ въ прошлую субботу. Проведя цѣлый день вмѣстѣ, мы простились со Львомъ. Нашъ храбрый капитанъ уѣхалъ въ воскресенье“ 2). Капитанъ Левъ — это братъ поэта, отправлявшійся черезъ Москву на Кавказъ къ мѣсту своего служенія. Съ нимъ Пушкинъ отправилъ письмо своей невѣстѣ, Н. Н. Гончаровой, написавъ его въ первый же день своего приѣзда 3).

14 іюля 1830 г. приходилось на воскресенье. Записка Загоскину не имѣетъ ли отношенія къ какому-нибудь спектаклю, можетъ быть домашнему? Имя Щепина-актера встрѣчается въ театальной хроникѣ московскихъ газетъ тридцатыхъ годовъ.

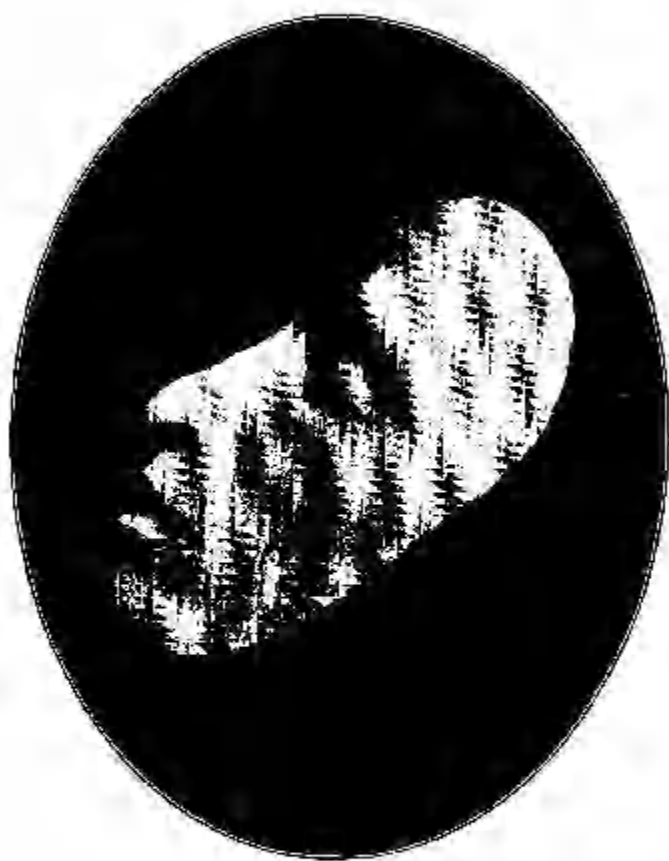
1) Павлицевъ, *ibidem*, іюнь, 578.

2) *Ididem*.

3) Письмо 20 іюля 1830.







Handwritten text, possibly a name or title.

Handwritten text, possibly a name or title.

Main body of handwritten text, appearing to be a letter or document.

Second section of handwritten text, continuing the letter or document.

Handwritten text, possibly a signature or name.

Handwritten text, possibly a signature or name.

Handwritten text, possibly a signature or name.

Сего Александровичу
и Меланию, Гофману
Михайлу Меланикову
Завоскину

